

Невилл внезапно отлетел от Гермионы.

Гермиона сползла по стене и посмотрела на изумлённую старосту.

Всё тело словно кричало, как будто прикосновение Невилла подвело её к краю чего-то сокрушительного, а затем оставило там.

Она чувствовала себя подвешенной и беспомощно болтающейся.

Ей хотелось прижаться к чему-нибудь. Ей хотелось, чтобы руки, губы и язык касались и дразнили ее чувствительную кожу. Ей хотелось, чтобы твердое, мускулистое тело прижимало ее к себе, а она выгибалась навстречу ему.

Она хотела слышать голос Невилла, который говорил бы ей, что делать. Что он позаботится о ней, потому что все было так запутано. Она не знала, что не так.

Теперь, когда он больше не прикасался к ней, все казалось неправильным.

"Джинни, я не знаю, что со мной происходит", - выдавила из себя Гермиона.

"Как это вообще возможно?" Джинни потрясенно покачала головой.

Дальше все было как в тумане. Джинни заставила кого-то из младшекурсников левитировать Невилла в его комнату, а затем лично отвела Гермиону к мадам Помфри.

Гермиона была слишком подавлена и находилась в состоянии истерики, чтобы следить за происходящим. Она не хотела, чтобы Джинни прикасалась к ней. Руки Джинни были слишком маленькими и пупырчатыми. Голос Джинни был слишком высоким. Каждый раз, когда Джинни что-то говорила, Гермионе хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать звука.

А голос мадам Помфри звучал так, будто в уши Гермионе вбивали оперное вибрато. От всех исходил гнетущий сладкий запах. От этого запаха Гермионе захотелось сглотнуть.

По всему телу словно ползали муравьи. От этого ощущения она извивалась, пытаясь успокоиться и отойти от края, куда, по ее мнению, ее завели.

Но спуститься с него не было никакой возможности. Она застряла там, просто ожидая дальше и дальше. Люди пытались задавать ей вопросы, а она не могла понять, как на них ответить. Она не знала, как объяснить происходящее.

Боль между ног переросла во всепоглощающую пульсацию, и она все время сжимала бедра,

пытаясь унять ее.

Она чувствовала себя настолько беспомощной, растерянной и неуправляемой, что начала плакать.

После этого люди перестали пытаться заговорить с ней и просто разговаривали друг с другом.

Это было что-то невозможное. И, возможно, что-то от специалиста.

Энн О'Мегга.

Гермиона думала, что это имя, которое она постоянно слышала, но было очень трудно уловить хоть что-то. Ее мозг был настроен на то, чтобы не думать. Единственное, о чем она могла думать, - это воспоминания о руках Невилла на ее теле, о его губах на ее коже и о том, как она хотела бы, чтобы он подхватил ее и убежал с ней, пока Джинни не вмешалась.

Нет, она не хотела.

Она хотела.

Нет.

Она продолжала хныкать и просить его.

От Невилла так приятно пахло. Так успокаивающе. А его руки на ней. Она никогда ничего так сильно не хотела. Ощущение его рта на ее шее...

Она рыдала от этого.

Джинни с молочным лицом твердила, что ей очень жаль и что она ни о чем не догадывалась. А Гермиону так раздражала староста, что она зарычала и попыталась укусить ее. Когда это не сработало, Гермиона ударила ее.

А потом у нее отобрали палочку!

Спустя несколько часов Поппи Помфри насильно влила зелье в горло Гермионе, и та уснула.

Когда она проснулась, то обнаружила себя на больничной койке в окружении карантинных палат и Минервы МакГонагалл рядом с ней.

Лихорадка спала. Ощущение подвешенности исчезло, а пульсация между ног уменьшилась до тупой боли. Запястья и шея были натянуты, и она чувствовала слабую щекотку. Когда она прикасалась к ним, все тело слегка покалывало.

Гермиона села.

"Что у меня?" - спросила она директрису.

"Ничего. Ты не заразилась никакими болезнями".

"О..." в замешательстве произнесла Гермиона, глядя на палаты. "Меня отравили?"

"Нет". сказала МакГонагалл, неловко пошевелившись.

Гермиона пристально посмотрела на нее. "Что со мной не так?"

"Вы достигли совершеннолетия", - сказала МакГонагалл, и ее шотландская нотка прозвучала из-за дискомфорта, который она, похоже, испытывала.

"Я уже почти два года взрослая. Завтра мне исполняется девятнадцать лет", - заметила Гермиона.

"Да. Ну. Есть один аспект развития волшебников, который... ну, обычно он не особо актуален и не освещается в учебной программе Хогварта. Особенно если учесть, что вы, как считается, магглорожденная. Мне и в голову не приходило, что об этом нужно говорить с вами".

"Подразумевалось, что ты магглорожденная?" повторила Гермиона холодным тоном. Она очень гордилась своим происхождением. Ей не хотелось, чтобы кто-то пытался украсть ее достижения, приписывая их какому-то якобы кровному статусу.

"Похоже, что ваши родители или, по крайней мере, бабушка и дедушка были сквибами", - сказала МакГонагалл.

Гермиона ухватилась за одеяло на коленях и прищурилась на МакГонагалл.

"Вы - очень редкий тип ведьмы, называемый Омега", - сказала МакГонагалл спустя мгновение. "Это проявление встречается исключительно среди старой волшебной крови. Именно поэтому у нас есть основания полагать, что в вас течет кровь сквиба от кого-то из близких родственников".

"Омега?" повторила Гермиона, мысленно делая быстрый мысленный перекрестный поиск. "Я

никогда не слышала о таких".

"Ну, они очень редки. За всю свою жизнь я знаю лишь несколько человек. И это не та тема, о которой считается вежливым говорить на публике".

"Это...", - начала Гермиона и заколебалась. "Со мной что-то не так?"

"Нет! Во все нет. Просто это несколько чувствительно", - быстро сказала МакГонагалл. Затем она глубоко вздохнула. "Прошу прощения, мисс Грейнджер, я не ожидала, что мне придется с кем-то разговаривать. Это привело меня в некоторое замешательство. Мисс Уизли упомянула, что в этом году вы заметили физические изменения среди ваших одноклассников".

Гермиона осторожно кивнула.

"Это связанное явление", - объяснила МакГонагалл. "В обществе волшебников существует биологическая иерархия, не зависящая от статуса крови. Основную группу составляют так называемые беты. Мистер Поттер, мистер Рональд Уизли, мисс Уизли, большинство ваших одноклассников и я - все мы Беты. Реже в волшебном обществе встречаются так называемые Альфы. Мистер Лонгботтом, мистер Нотт, мистер Малfoy и мистер Голдштейн - альфы. Как и Чарли и Билл Уизли. Когда им исполняется восемнадцать лет, у них происходит окончательный скачок роста, в результате которого происходят гормональные и физические изменения. Они становятся более доминантными и, как некоторые считают, привлекательными. Люциус Малfoy был очень типичным альфа-самцом. Сириус Блэк и Джеймс Поттер тоже были такими. Альфы обладают талантом и уверенностью в себе, что позволяет им легко добиваться своего, если они решают в значительной степени опираться на свои доминирующие черты. Хотя большинство достойных альф стараются не злоупотреблять этим".

"А как именно омеги вписываются во все это?" с подозрением спросила Гермиона. Ничто из сказанного МакГонагалл не походило на что-то скандальное или неуместное. Но и странная реакция Гермионы на альф тоже не была заметна.

"Омеги, - сказала МакГонагалл, снова почувствовав себя неловко, - самые редкие из трех. Как я уже говорила, за всю свою жизнь я знала лишь нескольких. Они встречаются очень редко. Они... - МакГонагалл слегка поперхнулась и покраснела. "Они подчиняются альфам".

"Что?" сказала Гермиона, в ее горле послышалось рычание.

"Вы знаете, что в семьях волшебников крайне низкая рождаемость", - спросила МакГонагалл, похоже, меняя тактику.

Гермиона кивнула, внутренне сжимаясь.

"Магическая беременность чрезвычайно травматична и тяжела для организма ведьмы. У большинства ведьм случается несколько выкидышей, прежде чем они вынашивают ребенка до срока. Вот почему редко можно встретить волшебную семью, в которой больше двух детей. Это просто слишком тяжело для них физически и магически. Некоторые ведьмы полностью теряют магию во время беременности, потому что она их так истощает. Часто рождение ребенка может быть настолько травматичным, что они не могут иметь больше детей. Репродукция - это огромный риск для ведьм".

МакГонагалл выпрямилась.

<http://erolate.com/book/4138/120417>